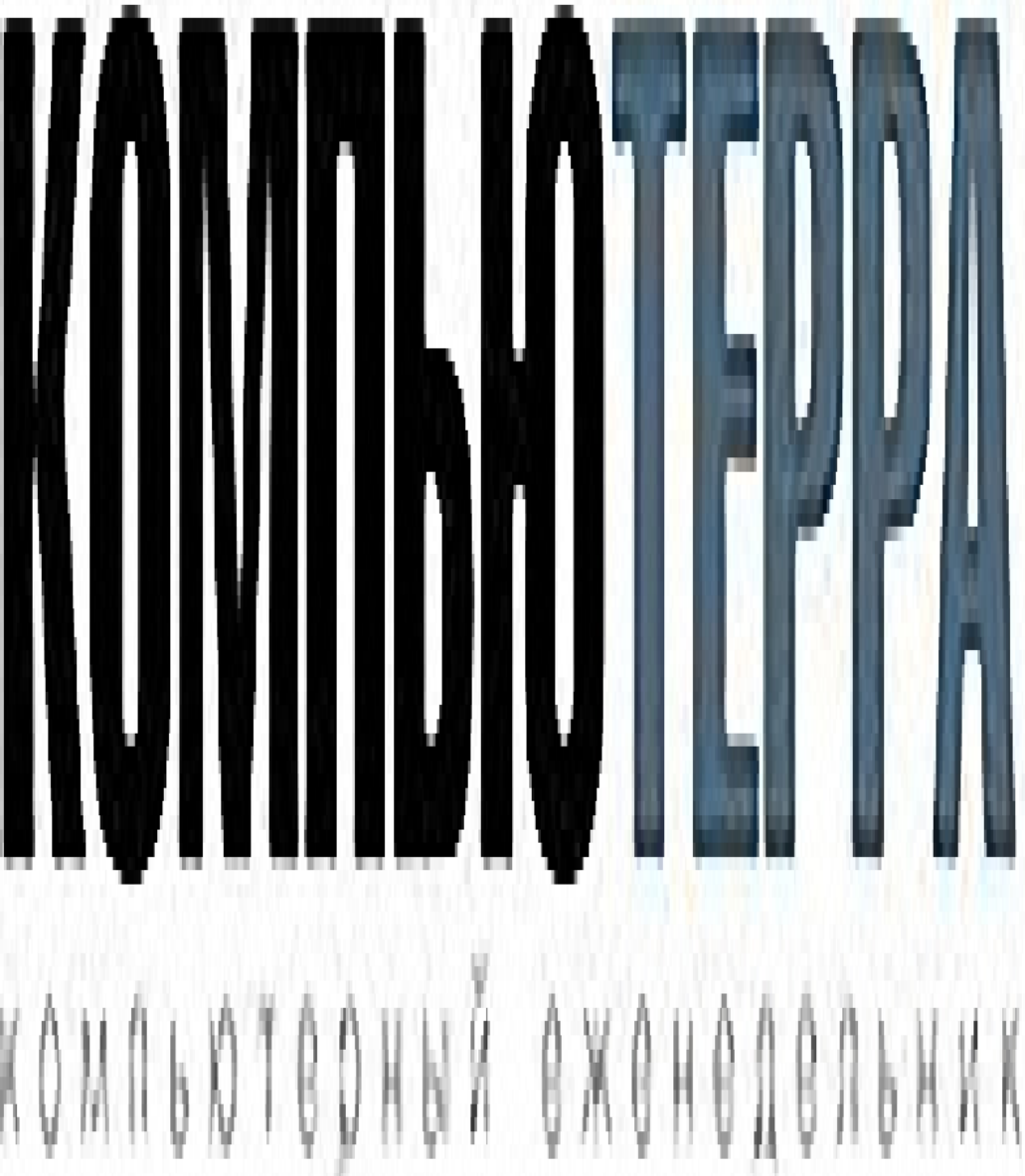
КОМПЬЮТЕРРА
КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первая публикация: «Компьютерра», 04.02.2013.

- Василий Щепетнёв

Василий Щепетнёв
Пятьсот миллионов мандаринов

Опубликовано 04 февраля 2013

Мечталось о простом, незамысловатом. Особенно в личном масштабе. Потому что знали: мечтай, не мечтай — пустое. Атеистическое воспитание в чудеса верить не позволяло. Но хотелось. В детстве хотелось иметь компас со светящейся, вечно указывающей на север стрелкой (не сбылось). Телескоп, чтобы разглядывать загадочное Красное Пятно на Юпитере (сбылось, но далеко не в детстве). Настоящий револьвер, стреляющий настоящими пулями (не сбылось и вряд ли сбудется).

Ну и всё остальное. Эти вещи казались необходимыми для интересной жизни, а уж что жизнь должна быть интересной, обсуждению не подлежало. Вопрос стоял лишь в том, кем стать: биологом марсианской колонии? Или штурманом межзвёздного флота, прокладывающего путь к Железной Звезде? Или разведчиком, который под видом миллиардера работает на благо нашей страны в осином гнезде капитала, Вашингтон-городке? Или же стать исследователем древних цивилизаций на дне морей и океанов (предпочтение отдавалось Северному Ледовитому)? При переходе в более практичный — с виду — возраст решил идти во врачи: думал, что врачи везде нужны, всюду пригодятся — и на Марсе, и в звёздной экспедиции, и в подводном поселении…

Нужнее всего я оказался в районном центре Тёплое, но это уже другая история. А эта заключается в том, что не был я каким-нибудь особенным мечтателем с запросами Плохиша. Самый обыкновенный пацан, без претензий к настоящему. До претензий ли, когда война только пятнадцать или двадцать лет как отгремела?

Какие у меня, собственно, могли быть запросы? Про компас и прочее — это по разряду мечтаний. А в действительности… А в действительности дети отлично видят толстенную грань между мечтами и действительностью.

И потому не могу не вспомнить Съезд Победителей и речь на нём товарища Берии, которая была произнесена на вечернем заседании двадцать восьмого января одна тысяча девятьсот тридцать четвёртого года:

«Товарищ Сталин поставил перед нами задачу — в 1937 г. дать не менее полумиллиарда штук цитрусовых плодов стране

Советов. Мандарины, лимоны, апельсины, бывшие в прошлом предметом роскоши, доступным буржуазии, теперь должны стать предметом широкого потребления трудящихся Советского Союза. Перед нами стоит почётная задача подать цитрусовые плоды на стол рабочих Советской страны. У нас есть, товарищи, все условия для того, чтобы выполнить задание товарища Сталина, и мы заявляем, что полмиллиарда штук цитрусовых плодов дадим в 1937 г. (Аплодисменты. Голоса: «Вот это правильно!»)»

По три мандарина на человека в год — вот о чём мечталось в далекие предвоенные годы, вот что считалось широким потреблением. И это первое. Я годы Съезда Победителей, иначе семнадцатого съезда ВКП (б), разумеется, не застал, изучал по документам, но дух, но пафос тридцать четвёртого года вполне можно было уловить и в шестьдесят четвёртом, а этот год я уже помню, октябрятская голова светла навеки.

Не буду распространяться на тему, какие именно мандарины Сталин получил в тридцать седьмом году, тут слишком широко можно рассуждать. Сужу. Возьму в прямом значении, безо всяких эзоповых намёков.

Мандарины Берия пообещал в штуках, и потому при прочих условиях в тонне их, мандаринов, должно было быть как можно больше, следовательно, чем меньше плод, тем лучше. Действительно, взять красный марокканский, испанский или израильский мандарин сегодняшний и сравнить с тем, абхазским, если не тридцать седьмого, то шестьдесят четвёртого (а хоть и восемьдесят пятого) года. Разница очевидна. И в качестве, и в количестве. И в цвете, и в объёме.

Ну и пусть. Другое жалко: как ни старались кавказские колхозники, мандарин оставался новогодним лакомством, и в силу этого вкус отходил на второй план. Главным стал запах. Он и сегодня, как тень отца Гамлета, является в новогоднюю ночь, хотя и мы, и мандарины давно уже другие.

Второе — опора на собственные силы. Купить мандарины для детворы в магрибских странах или в Китае — не наш метод. В тридцатые годы не мандарины покупали, а заводы, и побольше, побольше: что ни завод — гигант. Пусть мандарин будет исключительно праздничным фруктом, а витамины можно найти хоть в шпинате, хоть в одуванчиках. Крапива тоже хороша. Отменно хороши яблоки, но и с ними в тридцатые годы было непросто. Старые сады, и вишнёвые, и яблочные, вырубили. Или от безвластья одичали. Новые же в силу пока не вошли. Да и вообще: если каждый день праздник, не превратится ли он в будни?

Но во все времена были люди, которым трёх мандаринов

было мало. Хотелось четыре. И не раз в год, а хотя бы на каждое государственное торжество. День Конституции, Первомай, Седьмое ноября. И не одними мандаринами ограничивались, а собирали весь список — компас, телескоп, пистолет, мотоцикл… Окружающие смотрели разно. Одни гневно обличали мещанство, и страницы прессы, как центральной, так и местной, охотно предоставляли страницы для филиппик и отповедей «вещизму» — даже возник расхожий термин, обозначающий желание владеть тем, чем владеть, по мнению господствующей идеологии, вовсе не обязательно, не всем и не сразу. Другие пытались понять, много ли счастья приносит обладание компасом человеку, дальше гастронома не путешествующему. Любителям советской литературы рекомендую повесть Виля Липатова «Лида Вараксина», где вещизм — одновременно и счастье, и несчастье. Пусть и не придётся идти под парусом к неведомым землям, в обладании компасом уже есть счастье — счастье обладания. Как смотреть. Вопрос определения. Что такое счастье, и как его добыть. Третьи биться за пыжиковую шапку решительно не собирались — слишком много поединщиков на одну шапку, но ещё меньше стремились разменивать жизнь на цементо-часы, рельсо-вёрсты и условные лошадиные силы. Жили, как могли. Огородами. В переносном смысле. Да и в прямом тоже.

Удивительная история случилась в годы застоя, показывающая, что мало контролировать прессу, нужно ещё знать, как её контролировать.

Вдруг сообщили (и ведь за язык не тянули), что принято соответствующее правительственное решение: обеспечить возрастающие потребности молодого населения в штанах, а именно — джинсах. И для этого будет возведён не то завод, не то инновационный центр, уже и позабыл детали. Через пару лет вновь прогремело: ждите, уже скоро! Изделие проходит первые утверждения!

Ещё через года три показали фотографию самого изделия: джинсы не отличить от настоящих. Правда, рассмотреть что-либо на фотографии было трудно: если в Москве качество печати по меркам тех лет считалось сносным, то в провинции — мрак и туман. Особенно в районных газетах. Я о фотографиях.

Наконец, свершилось!

Знатоки, попробовав «Тверь» (так назывался отечественный дженерик), остались недовольны. Не то! Пока упаковано, терпеть можно, но стоит поносить недельку, и разница видна и себе, и окружающим. А уж если встать рядом с носителем фирменных штанов, позора не оберёшься. Не засмеют, просто хмыкнут. Вот так, публично, с использованием союзной прессы, радио и

телевидения, удалось показать, что как ни старайся, как ни мучайся, ничего, кроме грубой подделки, отечественная швейная промышленность противопоставить буржуазному ширпотребу не способна. Один хмык выйдет.

Зачем решились бросить вызов? Зачем о нём широко раструбили? Почему, видя неизбежное поражение, не сменили курс: мол, решили подарить завод вместе с выпускаемой продукцией братскому экваториальному народу? Так или иначе, после провала с проектом «Джинсы» вера в отечественные мандарины пошатнулась, и пошатнулась крепко. В отличие от счастливого детства, было с чем сравнить.

Сегодня — не то. Сегодня и мандаринами, и джинсами удивить невозможно в принципе. Что должен пообещать товарищ Берия, чтобы сплотить народ хотя бы на небольшие подвиги, хотя бы на малокалиберные свершения? Двадцать первый век избаловал обывателя. И колбаса без очереди, и одежды всякой хватает. Для тех, кто читает, есть книги, для тех, кто пишет — безбумлит. Квартирный вопрос, правда, пока не решён, но сегодня он принял иной вид: любое жильё в любом городе уже не манит. И город должен быть живым, и жилье вне трущоб. Если хочет, к примеру, гваздёвский хирург послужить народу в Москве — собирается и едет. Да, живёт на съёмной квартире, но ведь живёт же! Моральная цена квартиры сдувается. Заметьте, прежде каждый вождь ассоциировался с ней, с квартирой: сталинка, хрущёвка, брежневка. А сегодня? И хоть желающих поучаствовать в программе «жильё в обмен на работу в деревне» среди медицинского люда немало, но многие думают (я мысли не читаю, а слушаю, ведь делятся же коллеги): будет село хорошим, отчего ж и не поработать, а будет мёртвым — что-нибудь да придумаем.

В общем, не то чтобы материальные стимулы исчерпывают себя — нет, конечно, нет. Исчерпывают себя обещания материальных стимулов.

Кредит доверия от двадцати лет («через двадцать лет будет построен коммунизм») снизился до… Даже не знаю. Никто не проверял, что будет, если исчезнет привычная колбаса. Сколько согласятся ждать сограждане: неделю, месяц, год? Не исключаю, что и вечность, но вдруг ошибаюсь?

Что ж до стимулов моральных, до идей, до единственно верного учения апостолов Ктулху… И хочется порыться, и боязно. Ужасно они прилипчивы, эти идеи. Мы их подзабыли, как подзабыли о чуме и холере, а ведь они рядом. Стоит идеям захватить сто тысяч человек, придётся принимать меры. А кто их будет принимать? А главное — выполнять решения?

Нет-нет-нет, в бездну не смотреть, а смотреть на витрину супермаркета. Вон добра сколько разложено, что-нибудь да захочу.